

Н. Ф. БУДАНОВА*

ОПРАВДАНИЕ РУДИНА: У ИСТОКОВ ПУШКИНСКОЙ РЕЧИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева

Ключевые слова: Пушкинская речь и роман «Подросток» Ф. М. Достоевского, роман И. С. Тургенева «Рудин», западники и славянофилы, «лишние люди», «русский скиталец», «русская идея».

Цель настоящей статьи — выяснить значение романа Тургенева «Рудин» и его главного героя в формировании образа «русского скитальца», а также в эволюции отношения Достоевского в преддверии Пушкинской речи к идейному наследию «поколения 40-х годов», передовой дворянской интеллигенции западной ориентации.

И в наше время, к сожалению, еще бытует доставшаяся нам по наследству живучая и односторонняя формула «история вражды», якобы определяющая не только личные (весьма непростые), но и творческие отношения Достоевского и Тургенева. В центре внимания ученых чаще всего оказываются: неприятие Достоевским романа «Дым», эпизод баденской ссоры писателей 1867 г. и пародия на Тургенева в «Бесах»¹.

В своей книге, посвященной сравнительному изучению мировоззрения и творчества Достоевского и Тургенева², я заменила эту формулу емким и весьма актуальным в настоящее время понятием «диалог» и попыталась показать, что творческий диалог был для обоих писателей весьма плодотворным. Достаточно напомнить: у истоков «подпольного человека» и «русского скитальца» стояли «лишние люди» Тургенева; проблема нигилизма, образ глубокого, мыслящего нигилиста, равно как его сниженных двойников — «нигилятины», в великих романах Достоевского начиная с «Преступления и наказания», возникли не без творческого осмысления писателем художественных открытий Тургенева в этой области; к этому же роману Тургенева восходит и проблема

* Нина Федотовна Буданова, д-р филол. наук, вед. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, член редакционной коллегии Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского в 35 т. — trofkat@yandex.ru.

¹ См. содержательные работы на эту тему: *Никольский Ю. Н.* Тургенев и Достоевский (История одной вражды). София, 1921; *Долинин А. С.* Тургенев в «Бесах» // Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1929. С. 163–184.

² *Буданова Н. Ф.* Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987.

поколений, «отцов и детей», получившая новую художественную разработку в романах Достоевского послекаторжного периода.

Что же касается полемики Достоевского с автором «Дыма» и «Нови» в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг., то она также была весьма плодотворна, поскольку способствовала окончательному формированию их мировоззренческих и общественно-политических позиций.

В статье предпринята попытка определить значение романа Тургенева «Рудин» и его главного героя в формировании образа «русского скитальца» в Пушкинской речи, а также — шире — в эволюции отношения Достоевского в середине 1870-х гг. и в преддверии Пушкинской речи к идейному наследию так называемого «поколения сороковых годов», передовой дворянской интеллигенции западнической ориентации. Отношение это из резко критического в 1860-е гг. (см. публицистику писателя этого периода) становится сочувственным, что было во многом продиктовано идеологической установкой «Речи» — идеей примирения славянофилов и западников и национального единения во имя служения России «на родной ниве».

Предположение о Рудине как об основном литературном прообразе «русского скитальца» было высказано мною в упоминавшейся выше книге «Достоевский и Тургенев: Творческий диалог». В настоящее время это предположение получило дальнейшее развитие и подкрепилось дополнительной аргументацией.

Честь первооткрывателя типа «русского скитальца» (равно как и типа «лишнего человека») Достоевский приписывает Пушкину, создателю образов Алеко и Онегина. По определению писателя, это «отрицательный тип наш, человека беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего и искренне страдающего. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе» (26, 129–130). В их числе Достоевский упоминает Печорина, Рудина, Бельтова и некоторых других персонажей русской литературы. Нетрудно заметить, что речь здесь идет о типе «лишнего человека», негативная оценка которого была характерна и для публицистики Достоевского начала 1860-х гг. (ср. «Ряд статей о русской литературе» 1861 г., где наряду с Рудиным упоминается также «Гамлет Щигровского уезда» Тургенева).

Крайними полюсами типа для Достоевского являются «подполье» и «скитальчество». Напомним, что в первой половине 1860-х гг. такие отрицательные черты «лишних людей», как эгоцентризм, индивидуализм, безверие (при мучительной жажде веры и идеала), бездействие и др., Достоевский связал с социально-психологическим понятием «подполье»³.

³ См.: Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог (глава «У истоков “подполья”»).

В Пушкинской речи Достоевский назвал лучших представителей типа «русскими скитальцами», признав, что их мучительное скитальчество по родной земле и в Европе в поисках высшего идеала было исторически закономерно как определенный, хотя и трагически безуспешный (вследствие отрыва от народа) этап в поступательном движении человечества к его конечной цели — всемирному братству и «мировой гармонии».

Характерно, что писатель относит к «скитальцам» не только «лишних людей», но также революционеров-народников и социалистов, воздав должное нравственному максимализму этих «фантастических мечтателей», их стремлению к всемирному братству и согласию. Одновременно он отмечает слабые, отрицательные черты типа, и прежде всего пренебрежение к народной религиозно-нравственной правде, неспособность к общепольному делу, гордость. Эти черты «скитальца» Достоевский полемически преувеличил в полемике с публицистом А. Д. Градовским.

Таким образом, отношение Достоевского к «скитальцу» двойственное. Для него это все-таки «отрицательный тип», которому он противопоставляет редко еще встречающийся в современной ему жизни и русской литературе «тип положительной красоты» (к последнему писатель относит, в частности, Лизу Калитину и Лаврецкого).

Понятия «скиталец» и его производные, наполненные в Пушкинской речи большим смысловым содержанием, нередко встречаются в русской и европейской литературах. Внимание исследователей привлекал вопрос о возможных литературных источниках этого символа у Достоевского. Однако предпочтение в данном случае следует отдать русским источникам, так как в осмыслении Достоевского скитальчество — это прежде всего русское национальное явление, подтверждением чему служат перечисленные в его речи «скитальцы» — персонажи произведений русской литературы XIX в.⁴

И здесь в первую очередь следует вспомнить о тургеневском Рудине. Не исключено, что и самый термин «скиталец» в значительной мере навеян образом Рудина, потому что именно «бесприютный скиталец» Рудин наиболее соответствует той интерпретации «скитальца» и «скитальчества», которая дана в Пушкинской речи. Любопытно, что Достоевский, характеризуя «русского скитальца», употребляет эпитет «бездомный» — синоним тургеневскому «бесприютный».

⁴ Достоевский, отметив русский национальный тип «скитальца» Онегина, пишет, что Пушкин нашел этот тип «не у Байрона только» (26, 137); следовательно, и у Байрона. Очевидно, имеется в виду прежде всего «Паломничество Чайльд Гарольда». Среди других героев западной литературы назовем в первую очередь Дон Кихота, чье практически бесплодное «скитальчество» символизирует бескомпромиссное служение истине, высокому гуманистическому идеалу, непримиримость ко злу и т. д. Тургеневская интерпретация Дон Кихота в его статье «Гамлет и Дон-Кихот» была близка Достоевскому и, возможно, также сыграла определенную роль в формировании его концепции «скитальчества».

Мотив «бесприютного скитальчества» «в родной земле», обусловленного максимализмом Рудина, его бескомпромиссной преданностью высоким идеалам и полной неспособностью практически претворить их в жизнь в результате отрыва героя от родной почвы, отчетливо звучит в романе. Рудин — «чужой в доме», «вечный жид», «перекасти поле», «бесприютный скиталец». Ему словно самой судьбой предопределено мыкаться по свету, так и не обретя достаточного применения своим незаурядным дарованиям. Этот мотив приобретает поистине символическое звучание в эпилоге романа, когда Рудин уходит из губернской гостиной в непроглядную ночь.

Причины неудач всех практических начинаний Рудина Лежнев объясняет не только определенными чертами характера Рудина, но и объективными историческими условиями. «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно несчастье. Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись <...> вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет...», — говорит Лежнев и многозначительно добавляет: «Но опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то уж винить его не станем. Нас бы очень далеко повело, если бы мы хотели разобраться, отчего у нас являются Рудины»⁵.

Прогрессивное общественное значение Рудиных Лежнев видит в их просветительской деятельности, в пропаганде лучших, передовых идей своего времени, неустанной вере в добро, истину, справедливость. «Он не сделает сам ничего, — характеризует Лежнев Рудина, — но кто в праве сказать, что он не принесет, не принес уже пользы? Что его слова не заронили много новых семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы?» (Т., 6, 348).

Наиболее красноречивое оправдание Рудиных дано в эпилоге романа. «Бесприютное скитальчество» Рудина трагически завершается героической, но практически бесполезной, «донкихотской» смертью на парижской баррикаде, когда участники восстания уже покинули ее⁶.

Скитальчество Рудина не только получает историческое объяснение и оправдание, но и признается необходимым условием общественного прогресса и как бы становится символом неустанного

⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1964. Т. 6. С. 349. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с обозначением буквы Т. и указанием номера тома и страницы.

⁶ Концовка эпилога романа, изображающая смерть Рудина на баррикаде в период поражения июньской революции 1848 г., была добавлена Тургеневым в Собрании сочинений, изданном Н. А. Основским в 1860 г. (Т. IV). Как справедливо отмечают исследователи, эта концовка явилась итогом споров конца 1850-х — начала 1860-х гг. об общественно-историческом значении дворянских интеллигентов, так называемых «лишних людей», и ответом Тургенева на отрицательную оценку Рудина и Рудиных Н. А. Добролюбовым и Н. Г. Чернышевским.

духовного горения и бескомпромиссного служения высокой идее, истине, добру. Гамлет-Рудин сближается со Странствующим рыцарем Дон Кихотом, тоже бедняком и «бесприютным скитальцем», бескорыстным защитником всех обиженных и притесненных. «А все-таки без этих смешных Дон Кихотов, без этих чудаков изобретателей не подвигалось бы вперед человечество — и не над чем было бы размышлять Гамлетам», — писал Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот» (Т., 8, 189).

Подводя итоги своей неудавшейся жизни, Рудин рассказывает Лежневу: «Маялся я много, скитался не одним телом — душою скитался <...> Где не бывал я, по каким дорогам не ходил!..» (Т., 6, 356). «...Но доброе слово — тоже дело», — возражает Лежнев. «Ты назвал себя Вечным Жидом... — продолжает Лежнев. — А почему ты знаешь, *может быть, тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение: народная мудрость гласит недаром, что все мы под Богом ходим!*» (Т., 6, 367; курсив мой. — Н. Б.).

Из перечисленных в Пушкинской речи литературных героев — «русских скитальцев», начиная с Онегина, тургеневский Рудин наиболее ярко воплощает идею «всемирного боления за всех», к нему более других приложима характеристика «всечеловек». «Бесприютный скиталец» Рудин, казалось бы, ни к чему не способный, кроме странствий, предстает в художественном сознании Достоевского как носитель великой идеи всечеловеческого единения и братства, за которую он и отдает свою жизнь.

2

Важным этапом на пути формирования концепции «русского скитальчества» в Пушкинской речи являлся роман «Подросток».

Версиков (в черновых материалах к «Подростку») как бы подхватывает и развивает суждения Лежнева о скитальчестве: «Как это так случилось, — говорит он Аркадию, — что у нас образовался такой любопытный тип всемирно болящего человека, из дворянства Петра Великого? И зачем говорить, что *он ни к чему не способен, кроме странствий? Да разве всемирное-то боление не великое дело?*» (16, 417; курсив мой. — Н. Б.).

Скитальчество (без практического дела) осмысливается Версиковым как служение великой идее, а потому приравнивается к полезной деятельности. Носителем «высшей идеи», представляющей собой «всесоединение идей и разрешение европейских противоречий», «русский скиталец» является потому, что в силу исторических преобразований Петра Великого он обрел в Европе вторую родину, которая ему почти так же дорога, как Россия (этот комплекс идей

получает нравственно-философское обоснование в «Дневнике писателя» за 1876–1877 гг., Пушкинской речи и «Братьях Карамазовых»).

Русский человек, говорит Версильов, наиболее русский «именно лишь тогда, когда он наиболее европеец». «Тем самым я — настоящий русский и наиболее служу для России, ибо выставляю ее главную мысль. Я — пионер этой мысли. Я тогда эмигрировал, но разве я покинул Россию? Нет, я продолжал ей служить. Пусть бы я и ничего не сделал в Европе, пусть я ехал только скитаться (да я и знал, что еду только скитаться), но довольно и того, что ехал с моею мыслью и с моим сознанием. Я повез туда мою русскую тоску» (13, 377).

«Русская высшая мысль», апологетом которой выступает Версильов от имени представителей русского «культурного слоя», бессознательно живет в многомиллионном русском народе: «Знают о ней (идее всеобщего единения. — *Н. Б.*) в России мы, тысяча человек сознательно, — говорит Версильов, — очень многие пока лишь страстной и сильной грезой, даже инстинктом. Даже в черном народе, в Макаре это можно легко приметить, есть какой-то иск, какая-то греза об общечеловеческом примирении. Знали — и пока лучшего, высшего ничего никто не представил. У нас на этот счет как нигде, — замечь, например, национальную особенность нашу» (17, 149).

Версильов, лишенный внутренней цельности и нравственного «благообразия», присущих народному страннику Макару Ивановичу, тем не менее способен, подобно Рудину, заронить доброе семя в молодую душу. Идеи «всеобщего единения», «мировой гармонии», «всемирного бolenия за всех» при всей их отвлеченности, возможно, сыграют свою роль в окончательном формировании Подростка. Не случайно эти идеи, духовно связующие старое и молодое поколение (а их неосознанно разделяет и народ в лице Макара Ивановича), произвели сильное впечатление на Аркадия, который «европейскую тоску» Версильова ставит «несравненно выше какой-нибудь современной практической деятельности»: «Любовь его к человечеству я признаю за самое искреннее и глубокое чувство без всяких фокусов...» (13, 380).

В февральских черновых материалах к «Подростку» есть запись: «Узнать о Рудине» (17, 290). Вопрос о Рудине как возможном литературном прообразе Версильова лишь затронут Г. Я. Галаган в комментарии к роману. Однако вопрос этот требует специальной разработки, так как, на наш взгляд, существует несомненная связь между новой интерпретацией Достоевским нигилизма («истинного») и «скитальчества» в «Подростке» и Пушкинской речи.

О первом романе Тургенева и, возможно, желании перечитать его Достоевскому могла напомнить статья молодого талантливого критика народнического направления Н. К. Михайловского «Литературные заметки» в «Отечественных записках» 1874 г. (№ 3)⁷ с сочувственной

⁷ Этот факт отмечен в упомянутом выше комментарии Г. Я. Галаган.

оценкой Рудина и поколения «отцов», «людей сороковых годов». Статья эта появилась в печати во время работы Достоевского над романом «Подросток» и писатель не мог не заметить ее, так как проявлял интерес к публицистике Михайловского, вступившего с Достоевским в полемику по поводу романа «Бесы» и трактовки «citoyen'ов» и «citoyen'ства» в «Дневнике писателя» 1873 г. (главы «Старые люди» и «Влас»)⁸. Определение «gentilhomme russe et citoyen du monde» («русский дворянин и гражданин мира» — *фр.*) Достоевский прилагает к Герцену. По существу, это синоним «общечеловека», т. е. русского дворянина, либерального западника, утратившего вследствие увлечения европеизмом кровные связи с родной почвой. В интерпретации Михайловского «gentilhomme» с его встревоженной совестью и жертвенной любовью к народу предстает как характерный национальный тип, родственный некрасовскому правдоискателю Власу.

Уже в период работы над «Подростком» определение «gentilhomme russe» наполняется позитивным содержанием. В понимании «скитальца» Версилова и в интерпретации Аркадия «gentilhomme», т. е. русский дворянин, это «тип, отдающий все и становящийся провозвестником всемирного гражданства и главной русской мысли “всесоединения идей”» (13, 388). Определение «общечеловек» в Пушкинской речи вообще исчезает.

Вернемся к упомянутой статье Михайловского «Литературные заметки» и попытке молодого критика «реабилитировать» Рудина, а вместе с ним и поколение «отцов», реальных «лишних людей», вокруг которых в течение почти двух десятилетий не прекращались споры: «У нас привыкли третировать Рудина свысока, он для нас фразер, болтун, тряпка, сплетник, неисправимый плательщик долгов <...> Однако изо всех обвинений, которыми осыпан Рудин, важно, собственно говоря, только одно:

Что в разговорах он время проводит.

Но разве рудинские разговоры, зажигающие сердца и будящие мысль, не дело? Я больше спрошу: много ли найдется больших, выдающихся русских людей, которым, выпало на долю что-нибудь, кроме разговоров? Русский человек, вообще говоря, в среднем выводе, гораздо шире европейца. Не приспособившись окончательно к той или иной колее, он способен к очень широкому размаху. Но зато и требования он ставит своим лучшим людям безумно широкие. Что делал всю жизнь какой-нибудь Прудон? — “Разговаривал”, бил набат, будил

⁸ См.: Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1873. № 1–2. Достоевский откликнулся на статьи критика в «Двух заметках редактора». По определению писателя, это «один из самых искренних публицистов, какие только в Петербурге могут быть» (21, 156).

совесть, будил мысль — больше ничего <...> Но Европа его все-таки никогда не забудет. А мы оплевали своего Рудина за то, что он непрактичен и только разговаривает <...> Что Рудин был не безумный фразер, этого и доказывать нечего, это доказала его смерть. Несмотря на несколько эпилогов, которыми г-н Тургенев окончил “Рудина”, конца этой повести все-таки нет. Г-н Некрасов, по крайней мере, своими словами доказал этот конец в виде утверждения: “сеет он все-таки доброе семя, а остальное все сделает время”⁹. Это-то “остальное” и составляет всю суть, которую г-н Тургенев мог бы проследить и в жизни Натальи, и в жизни других людей, в разное время разбуженных Рудиным. Тогда было бы совершенно ясно, что слово этого человека, слабого, но искреннего, грешного, но способного вдохновляться великими идеями и вдохновлять ими других, — было весьма осязательным делом <...> Рудин есть первый общественный деятель между героями литературы»¹⁰.

Таким образом, Михайловский признал общественно полезной просветительскую деятельность Рудиных, ибо «слово есть тоже дело».

Споры вокруг значения Рудиных Михайловский справедливо связал с проблемой поколений, получившей особую актуальность в 1860-е гг. «Дети», т. е. «шестидесятники», осудили «отцов» — «лишних людей» за их пристрастие к слову и неспособность к конкретной деятельности, а Рудины (Рудин в представлении Михайловского «типичнейшая из фигур сороковых годов») «более или менее жестоко третируют людей шестидесятых годов, идущих ведь отчасти по их стопам, по крайней мере, в генеалогическом смысле, людей, может быть, даже именно ими, Рудиными, вдохновленных»¹¹. Михайловский, признавший идейную преемственность между поколениями сороковых и шестидесятых годов, сближается в оценке Рудина с Тургеневым и Герценом.

Не исключено, что сочувственная оценка деятельности Рудиных Михайловским, принятая во внимание Достоевским в «Подростке», оказала также определенное воздействие на формирование концепции «скитальчества» в «Пушкинской речи».

Что же касается Достоевского, то эволюцию его изменившегося отношения к образу «лишнего человека» в русской литературе можно выразить формулой: от «общечеловека» (западник-космополит, утративший национальное лицо) к «русскому скитальцу» и «всечеловеку», наделенному характерной национальной чертой «всмирной отзывчивости» и тоской по «мировой гармонии». Крайние точки этого ряда: «подпольный человек» и «всечеловек». Можно высказать

⁹ Речь идет о поэме Некрасова «Саша». Ср. слова Агарина:

А остальное все сделает время.

Сеет он все-таки доброе семя!

(Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1982. Т. 4. С. 26).

¹⁰ Отечественные записки. 1874. № 3. С. 205–206.

¹¹ Там же. С. 207.

предположение, что открывают и закрывают этот литературный ряд «лишние люди» Тургенева — Гамлет Щигровского уезда, Чулкатурин («Дневник лишнего человека») и Дмитрий Рудин¹².

3

Основным реальным прототипом Версилова явился, как убедительно показал А. С. Долинин, А. И. Герцен¹³. В интерпретации взглядов Герцена Достоевский периода работы над «Подростком» был близок Н. Н. Страхову, автору литературно-критических статей о Герцене, первоначально публиковавшихся в «Заре» 1870 г., а затем вошедших в его книгу «Борьба с Западом в нашей литературе» (1882). В характеристике Страхова Герцен предстает как глубокий пессимист и скорбный созерцатель заката старого европейского мира, наделенный, если употребить выражения Достоевского, «всемирной отзывчивостью» и способностью «общечеловеческого боления», переживший свое разочарование в Европе как личную драму. Страхов неоднократно подчеркивает то чувство сердечной боли, которое испытывал Герцен при виде крушения старого мира. Сердце Герцена было поражено смертельной скорбью, потому что «мир болен». «По собственной боли Герцен имел немалое право судить о состоянии Запада»¹⁴.

Статьи Страхова о Герцене во многом обусловили новую по сравнению с «Бесами» интерпретацию в «Подростке» нигилизма «отцов», поколения передовой либерально-демократической дворянской интеллигенции 1840-х гг., к которому идейно близок Версиров, что в свою очередь определило иную трактовку проблемы поколений в этом романе. Сохраняя определенные отрицательные черты, нигилизм «отцов» наполняется теперь также позитивным содержанием.

«Воззрения Герцена, — пишет Страхов, — можно назвать *нигилизмом*; но <...> это не была одна из тех многочисленных форм нигилизма, которые стали ходячими и в которых воплотилась всяческая форма глупости. Это был нигилизм в самом чистом своем виде, в наилучшей и наиболее благороднейшей своей форме. Это было вольнодумство до того

¹² См. также: Буданова Н. Ф. 1) Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987; 2) «И свет во тьме светит...». К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012. С. 263–278; Кийко Е. И. Русский тип «всемирного боления за всех» в «Подростке» (К материалам черного автографа) // Русская литература. 1975. № 1. С. 155–161.

¹³ См.: Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963. С. 104–112.

¹⁴ Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. Т. 1. С. 89. В предисловии к книге «С того берега» Герцен писал, что он остается в Европе «страдать вдвойне, страдать от своего горя и от его (старого европейского мира. — Н. Б.) горя, погибнуть может быть при разгроме и разрушении, к которому он несется на всех парах» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 13).

страшное, резкое, сознательное, последовательное, что оно <...> перешло в воззрения прямо противоположные, почти равнялось отречению от всякого вольнодумства»¹⁵.

Чистоту и бескомпромиссную последовательность нигилизма Герцена Страхов усматривает прежде всего в том, что он, бывший отрицателем у себя на родине, перенес это отрицание и на буржуазную Европу¹⁶.

Сперва — «в силу естественного идеализма» — «отречение от своего, русского», потом «такое же отречение от чужого в силу тех же напряженных идеалов, в силу их последовательного приложения» — такова была, по Страхову, идейная эволюция Герцена, закончившаяся его духовным возвращением на родину. «Отчаявшийся западник превратился в нигилистического славянофила, а во многих отношениях оказался истинно русским человеком» — таковы, по мнению Страхова, итоги этой эволюции. В Герцене, по словам Страхова, отразилась «чрезвычайная высота народных идеалов, которая проникает собою нашу историю <...> нигилизм Герцена есть одно из проявлений напряженной идеальности русского ума и сердца»¹⁷.

В черновых подготовительных материалах к «Подростку» нередки суждения о нигилизме и нигилистах. Версилов, отнесший себя к числу «старых людей» (в «Дневнике писателя» за 1873 г. так названы виднейшие представители «поколения 40-х годов» Белинский и Герцен — см.: 21, 8–12), в беседе с Аркадием характеризует старшее и молодое поколение: «Нигилисты — это в сущности были мы, вечные искатели высшей идеи. Теперь же пошли или равнодушные тупицы, или монахи. Первые — это “деловые”, которые очень, впрочем, нередко застреливаются, несмотря на всю свою деловитость. А монахи — это социалисты, верующие до сумасшествия, эти никогда не застреливаются» <...> Нигилизм без социализма — есть только отвратительная нигилищина, а вовсе не нигилизм. Так и называй: “нигилятина”. Тут или глупость, или мошенничество, или радость праву на бесчестье, но вовсе не нигилизм. Всего же чаще радость праву на бесчестье. Настоящий нигилизм, истинный и чистокровный, это тот, который стоит на социализме. Тут все — монахи. Чистый монастырь, вера беспредельная, сумасшедшая. Потому-то и отрицается все, что противно социализму, что веруют. Все,

¹⁵ *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Т. 1. С. 113.

¹⁶ В «Письмах из Франции и Италии» Герцен писал: «...русский — посторонний, но именно потому, что вместе и свой». «Русский <...> страстный зритель. Он оскорблен в своей любви, уповании: он чувствует, что обманулся, он ненавидит так, как ненавидят ревнивые, от избытка любви и доверия» (*Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 5. С. 220).

¹⁷ *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Т. 1. С. 137, 122. Статьями, составившими «С того берега», вспоминал Герцен в «Былом и думах», «я в себе преследовал <...> последние идолы, я иронией мстил им за боль и обман. <...> утратив веру в слова и знамена, в канонизированное человечество и единую спасающую церковь западной цивилизации, я верил в несколько человек, верил в себя» (*Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 10. С. 233).

что не по вере их, то и отрицается. <...> Настоящий нигилист не может, не должен, не смеет ни с чем из существующего примириться. На сделки он не смеет идти ни под каким видом. Да и знает, что никакая сделка решительно невозможна» (16, 76–77; ср.: 16, 53, 80, 285).

Итак, принадлежность к «истинному», «чистокровному» нигилизму определяется последовательным отрицанием существующей действительности во имя «высшей», «великой» идеи (или неустанных поисков ее). Таким образом, «отцы», представители передовой дворянской интеллигенции 1830–1840-х гг., «вечные искатели высшей идеи», являются «истинными» нигилистами.

4

В «Дневнике писателя за 1877 год» Достоевский во многом предвосхищает ту интерпретацию «скитальчества», которая дана в Пушкинской речи. Для Достоевского «скитальчество» с его центральной идеей «общечеловеческого единения» — характерное проявление русского национального самосознания, исторически обусловленное и закономерное. По мысли писателя, западники, как и славянофилы, верят в «общечеловечность», т. е. в братское единение народов, однако пути к достижению «всемирного общечеловеческого единения» у них различны (январский выпуск «Дневника писателя за 1877 год», глава «Примирительная мечта вне науки» — 25, 19–20).

В главе «Мы в Европе лишь стрючки» Достоевский, характеризуя эволюцию русского «скитальчества» со времени Петровских преобразований, выделяет несколько этапов. Первоначальный этап этой эволюции — усвоение русской интеллигенцией внешнего, поверхностного европеизма. Для торжества «общечеловечности» западники начали с «бесцельного скитальчества по Европе при алчном желании переродиться в европейцев, хотя бы по виду только» (25, 20–21). Последующие звенья в умственном развитии русских «скитальцев» — увлечение европейской цивилизацией, идеями французских просветителей, революцией 1789 г., утопическим социализмом. Последний был принят «за конечное разрешение всечеловеческого единения, то есть за достижение всей увлекавшей нас доселе мечты нашей». «Наши помещики, — пишет Достоевский, — продавали своих крепостных крестьян и ехали в Париж издавать социальные журналы, а наши Рудины умирали на баррикадах» (25, 22). В данном случае, существенны: намек на Герцена, упоминание в его ряду Рудина и употребление Достоевским нарицательной формы «наши Рудины», выражающей типичность тургеневского образа «скитальца»¹⁸.

¹⁸ Фраза «а наши Рудины умирали на баррикадах» свидетельствует, что Достоевский читал роман Тургенева уже с этой концовкой, появившейся в изданных Н. Основским

Основное значение своей Пушкинской речи Достоевский усмотрел в том, что в ней был сделан окончательный шаг к примирению славянофилов и западников. Достоевский и славянофилы признали «всю законность стремления западников в Европу, всю законность даже самых крайних увлечений и выводов их и объяснили эту законность чисто русским народным стремлением нашим, совпадаемым с самим духом народным. Увлечения же оправдали — исторической необходимостью, историческим фатумом» (26, 133). Под «самыми крайними увлечениями и выводами» Достоевский подразумевал революционные и социалистические идеи. Тем самым — и это знаменательно для автора «Бесов» — революционеры-народники были также признаны им носителями национальной идеи всечеловеческого единения и стремления к «мировой гармонии».

Однако полное примирение и единение западников и славянофилов, возникшее под влиянием вдохновенной Речи Достоевского, оказалось недолгим. Об этом свидетельствует, в частности, полемика Достоевского с публицистом А. Д. Градовским, опубликованная писателем в специальном выпуске «Дневника писателя» 1880 г.

Достоевский, в пылу полемики лишивший «скитальцев» — «лишних людей» почти всех приписанных им в своей речи достоинств, исключение, однако, сделал для Рудина.

«Да ведь именно потому-то он (Рудин. — *Н. Б.*) русский, — полемизирует Достоевский с Градовским, — что дело, за которое он умирал в Париже, ему вовсе было не столь посторонним, как было оно англичанину или немцу, ибо дело европейское, мировое, всечеловеческое — давно уже не постороннее русскому человеку. Ведь это отличительная черта Рудина. Трагедия Рудина была, собственно, в том, что он на своей ниве работы не нашел и умер на другой ниве, но вовсе не столь чуждой ему, как вы утверждаете» (26, 155).

Автор «Рудина», казалось бы, также имел основание быть причисленным к «скитальцам», мечтающим об общечеловеческом единении и братстве. Однако Достоевский не отнес Тургенева (в отличие от Герцена) к «русским скитальцам».

За полное разочарование в западной буржуазной цивилизации и «духовное возвращение на родину» Достоевский простил Герцену и былое увлечение Западом, и жесткую критику России, и даже революционную пропаганду (последнюю, кстати, Тургенев никогда не приветствовал), но не простил автору «Дыма» «заклятого западника» Потугина, который нередко упоминается автором «Дневника писателя» и становится в качестве обобщенного, собирательного образа космополита-западника, оппонентом Достоевского в его спорах об исторических судьбах России и Запада.

«Сочинениях» писателя в четырех томах (М., 1860–1861). Скорее всего, это издание было в личной библиотеке Достоевского. См.: Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 280.

«Скитальчество» Тургенева по Европе было тоже обусловлено «высшей идеей» — ненавистью к крепостному праву в России и всем его проявлениям. В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев объясняет причины своего отъезда за границу, в результате которых он стал западником: «Я не мог дышать одним воздухом, оставаясь рядом с тем, что я возненавидел <...> Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда¹⁹. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить» (Т., 14, 9–10).

Об общественно-политической позиции Тургенева периода Пушкинских торжеств 1880 г. и об отношении к нему русской либерально-демократической и радикальной интеллигенции наглядное представление дают речи писателя, связанные с его чествованиями в России в феврале–марте 1879 г.

Бурные овации, которыми был встречен приехавший на родину Тургенев, не были подготовлены заранее и явились неожиданными как для самого писателя, так и для чествовавшей его русской общественности. Они получили широкий отклик в печати. Авторы статей и корреспонденций о чествованиях стремились подчеркнуть большое общественно-литературное значение оказанного Тургеневу приема и его творчества.

Мотивы «примерения» молодого поколения со старшим, признания «детьми» исторических заслуг своих «отцов», «поколения сороковых годов», и продолжения начатого ими дела служения общественному прогрессу России и русскому народу явственно звучат в речах и выступлениях Тургенева 1879 г.

В речи на обеде в «Эрмитаже» 6/18 марта 1879 г. Тургенев характеризует свои взгляды как либеральные и разъясняет, что он понимает под словами «либерал». «Теперь <...> это слово является чем-то неопределенным и шатким, кто им, подумаешь, не прикрывается! Но в мое молодое время, когда еще помину не было о политической жизни, слово “либерал” означало протест против всего темного и притеснительного, означало уважение к науке и образованию, любовь к поэзии и искусству и наконец — пуще всего — означало любовь к народу, который, находясь еще под гнетом крепостного бесправия, нуждался в деятельной помощи своих счастливых сынов. Мне сдается,

¹⁹ Тургенев имеет в виду западника Герцена, во многом близкого ему по взглядам. В «Былом и думах» Герцен вспоминает, как он и Огарев в конце 1820-х гг. дали клятву на Воробьевых горах в Москве «пожертвовать жизнью на избранную борьбу» с крепостничеством (*Герцен А. И. Собр. соч. Т. 8. С. 81*).

что нынешнее поколение поступает согласно с высказанным мною воззрением: оно поняло, в чем тут вопрос, протянуло руку старым либералам и старым художникам в моем лице, оно связует нить преданий, оно продолжает начатое дело» (Т., 15, 58–59).

Совершенно очевидно, что либерализм здесь синоним демократизма и просветительства.

Разумеется, Достоевский прекрасно осознавал масштаб художественного дарования Тургенева и его национальный характер. Не получившая в Пушкинской речи прямого авторского выражения высокая оценка творчества Тургенева как целого проявляется в попытке Достоевского определить национальное и историческое значение наследия великого русского поэта. Достаточно напомнить, что Достоевский относит Тургенева к «плеяде» Пушкина, ученикам и последователям поэта, в новых исторических условиях творчески разрабатывающих темы, идеи, образы, сюжеты, мотивы своего гениального учителя, впервые осуществившего «сознательный поворот к народу» русской литературы. Добавим: сопоставление с Пушкиным — чрезвычайно высокая творческая планка в понимании Достоевского и Тургенева.

В заключение хочется напомнить проникновенные строки Герцена о западниках и славянофилах в «Былом и думах» (повторены в некрологе Константину Аксакову в «Колоколе»): «Да, мы были противниками их, но очень странными: у нас была одна любовь, но не *одинакая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*»²⁰.

Думаю, что это глубокое суждение в полной мере можно отнести в Достоевскому и Тургеневу, у которых также «сердце билось одно»: это любовь к России, мечты о ее величии, благополучии, славе, стремление по мере сил лично содействовать этому.

Библиографический список

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1960–1968.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966.

Михайловский Н. К. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 1896–1986.

Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987.

Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...» К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб., 2012.

²⁰ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 15. С. 9–10.

- Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.; Л., 1963.
- Долинин А. С. Тургенев в «Бесах» // Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1989.
- Кийко Е. И. Русский тип «всемирного боления за всех» в «Подростке» (По материалам черного автографа) // Русская литература. 1975. № 1.
- Никольский Ю. Н. Тургенев и Достоевский: История одной вражды. София, 1921.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе: В 3 кн. СПб., 1882. Кн. 1.

Budanova N. F.

APOLOGY OF RUDIN: AT THE ORIGINS OF THE F. M. DOSTOEVSKY'S PUSHKIN SPEECH

Key words: Pushkin speech and *The Teenager* by F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev's novel *Rudin*, Westerners and Slavophiles, "extra people", "Russian idea".

The article deals with the question to what extent the novel by Turgenev *Rudin* and the image of the protagonist play the role in the shaping the image of a "Russian wanderer" and in the evolution of Dostoevsky's attitude to the ideological legacy of the "men of the forties", i.e. the progressive noble western oriented intelligentsia. The article draws attention to the role of the Pushkin Speech in the evolution.

References

- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols.* Leningrad, 1972–1990.
- Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: In 28 vols.* Sochinenia: In 15 vols. Moscow; Leningrad, 1960–1968.
- Herzen A. I. *Sobranie sochinenij: In 30 vols.* Moscow, 1954–1966. Vols. 5, 6, 8, 10.
- Michailovskij N. K. *Sobranie sochinenij: In 30 vols.* St. Petersburg, 1896. Vols. 1–2.
- Budanova N. F. *Dostoevskij i Turgenev: Tvorcheskij dialog.* Leningrad, 1987.
- Budanova N. F. "I svet vo t'me svetit...": *K charakteristike mirovozzrenija i tvorcestva pozdnego Dostoevskogo.* St. Petersburg, 2012.
- Dolinin A. S. Turgenev v "Besach". Dolinin A. S. *Dostoevskij i drugie.* Leningrad, 1989.
- Dolinin A. S. *Poslednie romany Dostoeskogo.* Moscow, 1963.
- Kijko E. I. Russkij tip "vsemirnogo bolenija sa vsech" v "Podrostke". *Russkaya literatura.* 1975. N 1.
- Nikolskij Yu. N. *Turgenev and Dostoevskij: Istorija odnoi vrazdi.* Sofia, 1921.
- Strachov N. N. *Borba s Zapadom v nashey literature.* St. Petersburg, 1882. Vol. 1.